



# Майю Лассила. Красный флаг над Гельсингфорсом

Чуть больше ста пятидесяти лет назад в приграничном с Россией городке Тохмаярви родился, пожалуй, самый знаменитый финский писатель Альгот Тиетявяйнен (по отчиму – Унтола). А сто лет назад писатель погиб. И сто лет назад над Народным домом в Гельсингфорсе финскими революционерами был поднят красный флаг. Это был сигнал к социалистической революции в Финляндии, всего месяц назад получившей независимость из рук молодого ленинского правительства. На следующий день весь город был в руках восставших рабочих, было создано народное правительство – Совет народных уполномоченных Финляндии. Власти трудящихся противостояла военно-кулацкая хунта во главе с бывшим царским генералом К. Маннергеймом, переметнувшимся в считанные недели в ряды войск германского кайзера. Недолгая, но крайне напряженная и кровопролитная гражданская война в Финляндии оставила глубокий след в памяти финнов. До сих пор у благонамеренного и законопослушного финского обывателя не укладывается в голове, как

могли маннергеймовцы осуществлять массовые казни и репрессии в отношении своих же сограждан, включая женщин и детей.

Недаром установка мемориальной доски Карлу Маннергейму в Петербурге вызвала возмущенные отклики в самых разных слоях общественности Северной столицы. Железный «фон-барон» не выдержал проверки законности «увековечения». Провисев лишь пару месяцев, побитый и оплеванный барельеф был демонтирован со здания российского военного училища и вывезен за пределы исторического центра Северной столицы – в музей Первой мировой войны. Надеюсь, его сотрудники снабдят барельеф исчерпывающим пояснением о «деятельности» этого персонажа.

Впрочем, маннергеймы приходят и уходят, а дружественный нам финский народ остается. В честь нашего добрососедства стоит вспомнить знаменитых финнов. Вот, к примеру, великий композитор Ян Сибелиус и известнейший архитектор и дизайнер Алвар Аалто. Первый испытал на себе влияние великой русской музыкальной культуры, а второй творил, в том числе, на терри-

тории Ленинградской области. Знаменитый политический деятель послевоенной Финляндии Урхо Кекконен, поборник советско-финской дружбы и один из творцов современной европейской системы безопасности. Или можно поставить памятник трем братья Рахья – Эйно, Юкке и Яакко – знаменитым красным финнам, чьи образы так и просятся на киноэкран. Достаточно вспомнить Эйно Рахью, личного охранника В.И.Ленина на его пути из Разлива в Финляндию и затем обратно в готовившийся к восстанию Петроград. Эйно Рахья – прообраз большевика Василия в исполнении Николая Охлопкова в фильме Михаила Ромма «Ленин в Октябре».

Не менее знаменит уроженец Петербурга Адольф Тамми, один из руководителей финской Красной гвардии и Карело-Финской ССР. Тесно связан с нашим городом генерал Аксель Антилла, прошедший четыре войны – Гражданскую, Гражданскую в Испании, Советско-финляндскую и Великую Отечественную. В недолгие месяцы Советско-финляндской войны – министр обороны Финляндской Демократической Республики. Впрочем, мне почему-то кажется, что городские власти не поспешат увековечить светлую память этих замечательных финнов. Легче ставить вопрос о переименовании Советских улиц в Рождественские, а площади Восстания в Знаменскую...

А вот в честь пребывания в нашем городе писателя и журналиста Альгота Унттола (псевдоним – Майю Лассила) на доме по Лесному проспекту установлена мемориальная доска. Альгот родился в 1868 году в семье небогатых крестьян в Тохмаярви, в приграничном с нашей страной регионе современной Финляндии. Эта близость с нашей страной, начавшаяся просто как территориальное соседство, сохранится на всю оставшуюся жизнь Альгота.

В 1879 году семья из-за долгов переехала в Рускеала, где вскоре умер его отец. В девятнадцать лет Альгот поступил в Сортавальскую (до революции это был город Сердоболь, а теперь Сортавала снова находится на нашей территории) учительскую семинарию. Учился на медные гроши, из-за постоянного безденежья приходилось прерывать учебу.

Но все-таки диплом был получен, и почти десять лет Альгот преподавал в народной школе в Раахе. Опять скромное, почти бедняцкое существование. С профессией учителя пришлось расстаться, и в 1898 году Лассила перебирается в столицу империи – Санкт-Петербург, здесь он шесть лет работал в посреднической фирме по торговле лесоматериалами.

О петербургском периоде жизни Лассила все еще немного известно. Считается, что он состоял в Боевой организации партии социалистов-революционеров и участвовал в подготовке покушения на министра внутренних дел Плеве. Революционеры приговорили Плеве к казни за его изверскую жестокость. Еще со времен «Народной воли» он искусно и последовательно преследовал деятелей освободительного движения, охотно присутствовал на жестоких казнях революционеров, «обустроивал» шлиссельбургскую тюрьму. Возможно, у Альгота были и свои счеты с царским сановником. В течение нескольких лет в должности министра-статс-секретаря Великого Княжества Финляндского Плеве проводил последовательную политику фактического погрома финского языка и культуры. 15 июля 1904 года карета Плеве взлетела на воздух. Имена бомбометальщиков и непосредственного убийцы министра – Егора Сазонова хорошо известны. Где в тот день был Лассила и какова была его роль, неизвестно.

Не удовлетворившись идеей возведенного в эталон индивидуального террора эсеров и красной байского по своей сути финского мелкобуржуазного национализма, Лассила вскоре перешел в стан радикального крыла социал-демократов. С 1905 года Лассила ведущий сотрудник пролетарской газеты «Тюёмиэс» («Рабочий»).

Первое десятилетие двадцатого века стало для Лассила временем плодотворным, принесшим ему широкую известность на родине. Финны, да и не только они, зачитывались приключениями вельсельчаков Антти Ихалайнена и Юсси Ватанена в повести «За спичками». Примечательно, что верным переводчиком Лассила был Михаил Зоценко, именно благодаря ему русский и советский читатель познакомился с рассказами финского писателя. Первый рассказ Лассила «Воскресший из мертвых» Зоценко перевел еще до революции. Зоценко – автор перевода самой знаменитой повести Лассила «За спичками», по его тексту был снят фильм Гайдая.

Рассказы Лассила растаскивались на цитаты. Курьезные ситуации и острые диалоги, подслушанные Лассила в среде простых людей, туда же незамедлительно возвращались, вложенные писателем в уста своих героев. Простые труженики узнавали себя в образах хуторян и чернорабочих, прачек и бездомных, учителей и мелких коммерсантов. Лассила говорил языком народа, а народ – языком героев Лассила.

За авантурным, юмористическим сюжетом не всегда можно было угадать глубокую философию Лассила. Едкая ирония, а с годами все чаще

жесткая сатира пронизывали рассказы и повести Лассила. Он становился в один ряд с признанными мастерами этого литературного жанра – русского Михаила Зощенко, украинца Ярослава Галана, чеха Ярослава Гашека.

Лассила – мастер мистификаций и парадоксов не только в своем творчестве, но и в жизни. Нелюдимый и незаметный житель скромной комнатки на окраине Хельсинки, Лассила сам себе готовил, убирал, а на прогулку выходил поздно вечером, в самое безлюдное время. Сам псевдоним Майю Лассила – женского рода, одно время критики числили писателя в разделе «женщины-писательницы». В это верили, так как Лассила, подписываясь новым псевдонимом, ухитрялся еще и менять стилистику произведения. А всего у Лассила было под десяток псевдонимов.

Народ, зачитываясь рассказами Лассила, считал его городским чудаком. Еще бы, он даже с издателями общался по почте – корреспонденция поступала до востребования. Впрочем, именно издатели знали цену таланту и трудолюбию Лассила и бессовестно обкрадывали его, назначая нищенские гонорары. Майю Лассила не спорил, не торговался – писал днями и ночами. По воспоминаниям соседей, был скромным и тихим. И очень бедным, на городской окраине он обрабатывал картофельную делянку и, похоже, только этой картошкой и питался. Не имея достойного обеда, Лассила на последние деньги покупал конфетки для соседских мальчишек. Говорят, ребенок Лассила умер, всю нерастраченную отцовскую любовь он дарил детям бедняков в своем дворе. И еще вспоминают его опрятность. Каждый вечер писатель чистил свое скромное платье, а чтобы брюки не мялись, клал их под матрас.

Его крохотная восьмиметровая каморка была на первом этаже доходного дома, окошко выходило во двор-колодец. В каморке была простая постель, стол, стул и лампочка. И повсюду, даже на полу, стопки книг и газет. Больше ничего не было. Уборной, простите, тоже не было, Лассила ходил в соседнюю прачечную.

Лассила с удовольствием публиковали и с удовольствием читали. Для широких слоев читателей он был мастером закрученного сюжета, приправленного искрометным юмором и сюжетной чехардой. Этим он покорила знаменитого мастера словесной эквилибристики Михаила Зощенко. Михаил Михайлович писал о Лассила: «Отличный писатель: лаконичный, умный, насмешливый, точно знающий, чего хочет... Он обожает путаницу, неразбериху, я – тоже, хотя мне

почти никогда не удавалось устроить такую кутерьму, как в «Воскресшем из мертвых» или «За спичками»... В жизни впрямь много путаницы, чепухи, диких совпадений, бессмыслицы, и Лассила был истинным поэтом самого невероятного вздора. Интересно, чему это соответствовало в нем самом? Случайным такое не бывает. Суворов любил вздор, это заметил Тынянов, но там все понятно, а вот Лассила...»

Самые известные книги Альгота Унтола: «Хархама» («Блуждающий», 1909), написанная под псевдонимом Ирмари Рантамала, и «За спичками» (1910), написанная под псевдонимом Майю Лассила. Лассила стал первым писателем своей страны, ему была присуждена государственная премия Финляндии по литературе, от которой он отказался. Казалось, что Лассила разочаровался в бытописании своих соотечественников.

В предреволюционные годы из-под его пера выходили не пространные романы, а хлесткие и жесткие памфлеты, воззвания, листовки. В 1916 году Лассила опубликовал «Письма буржуа», в которых отмежевывался от буржуазных политических сил и солидаризовался с революционными социалистами: «Отныне силу жизни даёт только социализм, за ним будущее. Всё здоровое, что достигнуто за последнее время, стало возможно только благодаря энергии и натиску социализма».

Лассила до сих пор чрезвычайно популярен в Финляндии. Но популярность его несколько странная. Писатель никогда и никого не идеализировал, не превозносил, никем из своих героев самозабвенно не любовался. Даже его положительные герои не прочь подраться, солгать, пообжиматься с чужой женой, напиться. Их поступки и порочны, и одухотворены. Поэтическое восхищение родной природой сменяется пьяной потасовкой. Елейная религиозность – безжалостностью к бедняку. Смекалка и житейская мудрость – диким разгулом. Готовность заступиться за друга – подлостью по отношению к соседу.

Финский обыватель (да и обыватель любой другой страны) узнает себя в героях Лассила, он в меру готов посмеяться над своими маленькими грешками. Но Лассила и как писатель, и как гражданин далеко перерос своего читателя, даже спустя столетие.

Исследователь творчества Лассила Юрий Нагибин писал: «Похоже, в эту пору жизни Майю Лассила крепко обиделся на свой народ, на его долготерпение, покорность безумию властей и церковному мракобесию, на темную его готовность к оболваниванию и создал самую злую свою сатиру на соотечественников».

В те годы весь народ, кажется, разделился на великодушных героев и палачей с рыбыми глазами. Казалось, первые одолеют вторых. Но события стали развиваться самым непредсказуемым образом. В декабре 1917 года была провозглашена независимость Финляндии, а в январе финская столица была очищена рабочими от сторонников Сената и его политического руководителя Пера Свинхувуда и военного диктатора Карла Маннергейма. Над городом развевались красные стяги восстания. Средневековый флаг крестоносцев, казалось, навеки будет низложен. Рабочие, трудовая интеллигенция, батраки организовали народное правительство – Совет народных уполномоченных Финляндии, в его состав вошли представители социалистов, профсоюзов, трудовых коллективов. Новое правительство возглавил недавний журналист Куллерво Маннер. Красных финнов поддержали русские военные части.

Красное правительство поддержали промышленные города – Тампере, Коувола, Выборг. За рабочее дело, казалось, встала вся трудовая Финляндия. Но Маннергейм предусмотрительно перебрался в Ваасу – северный кулацкий регион. Туда же прибыли никем не задержанные сенаторы. Вокруг хунты Маннергейма и Свинхувуда стали спешно формироваться части белых карателей.

Но трудовой Хельсинки еще праздновал победу. 29 января газета «Рабочий», где трудился Лассила, опубликовала программный документ революционеров – декларацию «К рабочим и гражданам Финляндии!». Финскому правительству протянули руку помощи русские революционные власти. Лассила восторженно поддержал революцию. Для него применимы слова Владимира Маяковского в дни русской революции: «Моя революция. Пошел в Смольный. Делал. Все, что поручали». Так и Лассила взвалил на себя груз издания главной газеты страны: писал воззвания, манифесты, листовки, встречался с рабочими, красногвардейцами.

В первые же дни маннергеймовцы развязали кровавую гражданскую войну. С Севера началось наступление на трудовой красный Юг. В Красную гвардию вступали целыми семьями. Среди красногвардейцев были женские отряды – до двух тысяч человек. Было много подростков 15-16 лет. В Красную гвардию вступали многие русские добровольцы – солдаты и матросы из расквартированных в Финляндии воинских частей бывшей императорской армии. Во главе некоторых подразделений красногвардейцев встали русские офицеры. В частности, Михаил Свеч-

ников, подполковник императорской армии, Георгиевский кавалер, или подполковник Георгий Булацель вместе с поручиком Мухановым, оборонявшие Тампере.

Однако вскоре наступил перелом. Белые получили подкрепление за счет прибывших из Германии националистов, воевавших на стороне кайзера. С 15 марта по 6 апреля длится осада Тампере. Три недели рабочие сдерживали наступление отборных частей «егерей», приехавших из Германии, финских кулаков и шведских наемников. Но ценой немалых потерь город был взят, и маннергеймовцы устремились к Хельсинки. 3 апреля германцы высадили на южном побережье Финляндии экспедиционный корпус фон дер Гольца. Два «фон-барона» – германский генерал Гольц и его недавний противник бывший русский генерал Маннергейм – осадили Хельсинки.

В первые же дни апреля революционное правительство эвакуируется в Выборг, надеясь там организовать новый очаг сопротивления. Многие называют этот шаг бегством, так как «диктатор-главнокомандующий» Маннер бросил в Хельсинки многих красногвардейцев, оставшихся дать последний бой маннергеймовскому кулачью и интервентам. Русские гарнизоны согласно похабному Брестскому миру обязывались не вмешиваться. 12 марта в городе шли ожесточенные стычки. Неправда, что столица сдалась без боя. На старом кладбище в центре Хельсинки установлены помпезные памятники с десятками немецких, шведских, эстонских фамилий интервентов, нашедших свой конец в апрельские дни. Но вскоре все было кончено, 14 апреля Маннергейм принимал победный парад своей военщины и наемников на центральной площади. Но и в этот день повсюду звучали выстрелы – расстреливали рабочих.

В трагические апрельские дни Лассила совершил настоящий подвиг. Он остался совсем один в своей редакции, маленький голодный учитель. Все разбежались, и в ночь на 12 апреля Лассила сам готовил и печатал последний номер «Рабочего». Это даже не газета, простой листок. Его успели прочитать последние защитники красных баррикад. Яростный призыв к борьбе, слова чести и мужества – последнее произведение Лассила нашло своих последних читателей. А утром Лассила до синевы побрился и, надев свой безукоризненный костюм, вышел на Эспланаду, заполненную орущими от радости и размахивавшими бело-голубыми полотнищами лавочниками, студентами и кулаками. И тут же был схвачен.

А потом была тюрьма, ожидание приговора. Лассила не верил, что его казнят, хотя каждый день к воротам тюрьмы Серняйнен подъезжала «Черная Мария» и камеры наполовину пустели. Людей – мужчин и женщин, стариков и детей, рабочих и врачей – увозили на казнь. Это не преувеличение. В холодные весенние дни 18-го маннергеймовцы казнили более семи тысяч человек. Еще порядка двенадцати тысяч человек умерли от нечеловеческих условий содержания в концлагерях. Маннергеймовцами был организован 61 концлагерь, там содержались даже женщины и дети. Только сейчас исследователи приступили к изучению документации лагеря смерти в Хеннале (район Лахти). Только в этом лагере и только весной 18-го были расстреляны 218 женщин (некоторым не было и 15 лет) без судебного разбирательства. Исследователь Ханна Лумме пришла к выводу, что их убили исходя из идей расовой гигиены и демонизации образа «красных» женщин в буржуазной прессе. И здесь нет преувеличения. Белофинны и их германские союзники на пятнадцать-двадцать лет опередили гитлеровцев в теории и практике расовых преступлений. Всего было убито и замучено около тридцати тысяч «красных» – более одного процента населения страны... Всего шестнадцать суды отправили в заключение или наказали иным образом более семидесяти тысяч человек (при населении страны порядка трех миллионов человек).

Находясь в тюрьме, Лассила, видя каждый день экзекуции, написал заявление, смысл которого заключался в том, что самым большим преступником в тюрьме был он, да и то из-за того, что был самым большим демагогом. На это комендант тюрьмы пошутил, что расстреливают из уважения, что подтверждается ежедневными сообщениями в газетах.

Сторонники реакции до сих пор смакуют подробности, что Лассила, узнав о смертном приговоре, плакал в камере. Конечно, учителя шокировал жестокий приговор, ведь он был журналистом, а не солдатом. Но не только своя судьба волновала его в последние дни. К нему на свидание пришла жена его давнего друга Пунанена. Лассила все просил ее собрать картошку с его делянки, чтобы накормить друга. Рабочие в те дни голодали...

21 мая «Черная Мария» приехала за Лассила. Его запомнили, впоследствии писали, что в машину посадили «маленького человека в огромном пальто».

Финское кулачье, добровольцы шюцкора, в предвкушении скорой радости от расстрела

беззащитных «красных» весело-нервно играли затворами винтовок. Студенты-националисты с белыми повязками на рукавах насмешливо улыбались. Немецкие солдаты, как всегда они делают в случаях бессудных казней, сохраняли спокойную деловитость. На убийство, как пишут, пришел поглядеть Освальд Кайрамо, в «российском» прошлом профессор ботаники, а в «незалежной» Суоми блюститель соблюдения законности при расстрелах и сенатор. Проститься с писателем увязались и два его старых знакомых, «товарищи по цеху» – тут как тут Эйно Райло и Кюёсти Вилкуна. Райло пописывал исследования о столь модных в те годы готических романах, а по совместительству возглавлял издательство «Киря», самым бессовестным образом наживавшийся на Лассила. Он ненавидел Лассила как «красного», завидовал, что не ему, а Лассила дали государственную премию, но жажда наживы коммерсанта от литературы заставляла его печатать и печатать труды гениального юмориста.

Вилкуна не просто знал Лассила, он был его давним другом. Вилкуна с трудом скрывал торжество, сохраняя постную физиономию. Ведь еще недавно ему пришлось несколько месяцев отсидеть в петербургской тюрьме как участнику прогерманского подпольного военного общества «егерей». Из узилища его выпустила русская революция, теперь шелкопер спешил отплатить своим избавителям. Платил этот бывший апологет русской классической литературы (Вилкуна широко пропагандировал учение о непротивлении злу Льва Толстого в Суоми) не только черной неблагодарностью, но и пулями. Вилкуна самолично казнил людей в Гражданскую войну. Теперь обоим следовало «отмыться» от близости к «красному агитатору», как они теперь называли Лассила. Лучший повод – отметить при исполнении приговора маленькому учителю. Они не будут стрелять сами, но их лицемерные выражения не меньше шюцкоровских пуль будут ранить Лассила в последние минуты его жизни.

По окончании расправы Эйно Райло и Кюёсти Вилкуна поспешили в дорогой рыбный ресторан, где, запивая «шнаапси» лососину, еще и еще насмехались над криками умирающих, их последними судорогами. Мрачный Гельсингфорс еще отмывал с мостовых кровь расстрелянных «красных», рабочие окраины голодали, а два проходимца не скупилась на чаевые – пропивали деньги, заработанные на только что казненном Лассила. Финны молчаливы, но для презрения не нужны громкие слова. Говорят, с тех пор даже в глу-

хую годину маннергеймовщины жители Хельсинки переходили на другую сторону улицы, чтобы не подать руки Райло и Вилкуна.

Путаница и чехарда преследовали Лассила до смерти. Многие палачи оставили свои воспоминания, но все по-разному описывают обстоятельства смерти писателя. Одни вспоминают, что Лассила до последней минуты старался поддержать осужденных вместе с ним на казнь, даже заступился за оскорбленную охранником женщину. Якобы в отместку его сбросили в воду и расстреляли, затем втащили обратно на борт тюремного катера и добили. Другие пишут, что всех осужденных убили уже на берегу, на острове Сантахамина. Сохранилась фотография: белогвардейцы несут тело писателя к братской могиле. Лассила был невероятно популярен, и публику интересовали обстоятельства его смерти. Все-все подробности. Журналисты спешили принести горяченькие снимки и репортажи в свои редакции. А многие считают, что Лассила был убит тюремщиками еще на берегу, в Хельсинки. Такова была ярость к этому маленькому человеку. Бессудная казнь, бессудный приговор – протоколы судебного заседания никем не были найдены.

У Лассила нет могилы. На старом кладбище установлена плита, на ней с десяток псевдонимов Лассила, но в могиле его нет. Через десятки лет из братской могилы на Сантахамине вырыли чьи-то кости и перезахоронили на столичном

кладбище. Но Лассила и не ложился в землю, не ушел в небытие. Он и сейчас в заводских цехах Тампере, студенческих аудиториях Турку, журналистских кофейнях Хельсинки. Он и в нашей стране, на книжных полках. И у оскверненной православной часовни в Лахти. Каменная стена хранит выбоины от пуль, здесь маннергеймовцы расстреливали рабочих. Кто-то оставил на стене надпись в память о казненных:

*Буржуи похитили деньги,  
Белые мясники содрали шкуры,  
Пасторы повернулись спиной,  
Перед вами мы должники.*



### **Константин ЕРОФЕЕВ**

*родился в Ленинграде в семье врача и военного преподавателя в 1972 г.*

*Работает юристом более 20 лет.*

*Адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга с 2008 года.*

*Исследователь в области религии и права.*

*Публицист, активно публикуется*

*в печатных и электронных средствах массовой информации.*

*Лауреат премии «Слово к народу» (2009),*

*губернаторского литературного конкурса*

*«Неизвестный Петербург» (2013, 2018),*

*премии Адвокатской палаты «За творческие достижения» (2014),*

*дипломант православной литературной премии*

*имени святителя Макария, митрополита Алтайского (2015).*

*В журнале «Север» публикуется впервые.*

